

ШЕШОЛИН ЕВГЕНИЙ

Из избранных стихов

... тучи

Кто вылепил так скоро
в причудливых ветрах
всхолмленные просторы
и город на горах?

Там радуги взбегают
и чудом наяву
перила изгибают
в густую синеву.

Там своевольны башни
и мало кто прошел,
там на пахтанной пашне
и хлопок не тяжёл.

По волнам шторма краше
глазами пробеги!
Жемчужной простокваши
закатом пригуби!

Но ветер -- это воля! --
Перемешались -- ах! --
Клубы земли и соли
в пустых его руках.

В руинах чудо-тучи,
но опустить глаза
с высокой этой кручи
и страшно и ... смешно.

К * * *

Мы ничего не понимаем,
но мы предчувствуем во сне...
Проснуться бы веселым маем
зеленой шишкой на сосне

в глухом лесу!.. Иль безымянным
притоком северной реки
бежать навстречу по медвяным
полям, -- травы, ручейки!

Проснуться соловьем на стройке
заброшенной, в своих кустах,
со вкусом солнечной настойки,
со сладким зудом на устах!

Вон там -- береза, -- что за слово! --
стоит, как будто человек,
не помня века золотого,
под дождичком слепым, в четверг.

И нежный августовский вечер
с далеким звоном в голове,
и растворяется кузнечик
в захолонувшейся траве.

И осень налетит Мамаем
и все расскажет о весне.
Мы ничего не понимаем,
но мы предчувствуем во сне.

---

* * *

Давным-давно одно с собой мы были,
текла через окошко синева,
и двор в траве, и на траве -- дрова,
и старые часы неслышно били.

Текла через окошко синева,
меня не торопили, не будили,
и старые часы неслышно били,
и снились чьи-то тихие слова.

Меня не торопили, не будили,
легко шуршала мягкая листва,
и снились чьи-то тихие слова,
и, кажется, о счастье говорили.

Легко шуршала мягкая листва,
и ветви до подушки доходили
и, кажется, о счастье говорили,
и книги недочитана глава...

ж ж ж

Как попал сюда? Зачем здесь живу?!
Тогда терпенье мое достигло предела:
разве должны жить люди
под этим мелким дождем,
назойливым, как жалобы опустившегося старика?..
И снова лошадь
судорожно тронула телегу с картошкой,—
напролом через грязь, надрываясь,
между ушами чувствуя кнут,—
и перешло предел:
я круто в лес свернул
и сразу стал искать сучок какой-нибудь,
заборинку, что б можно было
забыться с ней,— я задышался
от ненависти к самому себе,— и случай
тотчас представился: среди
травы, уже пожухлой и сырой,
вдали от братьев малый василек

меня заметил. Я подумал: "Вот
достойная отрада!.." — Вспоминать
со злостью начал южные цветы,
но не смутился он и продолжал
меня удерживать, и я увидел
ненужный вырез лепестка и цвет
меняющийся нежно; он стоял
уверенно, как маленькая рифма,
среди гнилья какого-то, травы
пожухлой; за кустами лошадь
дышала тяжело, и дождь
все шел, — брызжащий, неотступный, мелкий.

ОПИСАНИЕ АВГУСТОВСКОЙ ДОРОГИ

Солнце лениво скользит к горизонту,
в гору на запад уходит дорога,
звонко кузнечик приветствует вечер
в зарослях левой обочины пыльной.

Шире с горы блекло-синего неба
круг распахнулся, леса наслоились,
то зеленея прозрачною рощей,
то заповедною чащей чернея.

А впереди, за большими лесами,
где-то сливаясь с темнеющим небом,
сталью холодной под солнцем спокойным
серое озеро вдруг заблестело.

Две полосы: острова протянулись;
шпиц угадался рыбацкой церквушки;
если же дольше смотреть к горизонту,
солнце сверкнет на волне, как чешуйка.

В миг расставанья земли со светилом
в завтра себя я ауюаю: вот -- я!
Лес подступает все ближе к дороге.
Красный закат неподвижно ярится.

Чуть посерело. Шагаются легче.
Четкая чуткая связь со вселенной.
Справа над лесом дымок домовитый.
Молча под гору идти -- это счастье.

Гулкий ручей одинокий со сладкой
черной холодной болотной водицей,
первые робкие редкие звезды
и огонек недалеко деревни.

К Р Ы П Е Ц Ы

Премного Богом отпущено славы
местам, где и солнце посмотрит строго:
крыпецкая брусничная дорога,
ратные леса пресвятого Саввы.

Здесь он шел один на ящера страсти
и вырвал огненный язык из пасти,
а когда враг засмеркал, как золото,
загнал чудовище вон в то болото.

И ящер напролом катился, бежал,
и Савва -- в ледяную воду -- за ним, --
и дразнил и бил, никуда не пускал,
и осенний закат над лесом звонил.

ИСКОВСКИЕ ЛИРНИ

Заповедные берега за сосняком,
где тропинки кончаются только в другом, --
уютном? -- нет, но от века знакомом веке.

Такое чувство, будто прозрачные веки
упали с очей, и слились тайные реки
в моей душе, как в Великую ручейки.

Ольгина родина; в осоке родники,
ради широких дорог ничем не богаты,
спрятались для моей залпугавшей тоски.

Борожат ветерки, темные перекаты
гудят, как в сумерках стон из лесной глуши,
но красное солнышко в волнах плывет, снято!

Владимир-князь, по теченью веде, реши
сердца сомненья, окунем окуни в воду,
что б в Великую изошла Искова души!

И возвращаюсь в город; в волосах свободу
ветра привольного н волю преобрази!
Белый дом Авраамия. Стою у входа.

Белый лебедь собора, в небеса неси,
что б в диких степях Албазина моей страсти
казакам чувства явился лик Святой Руси!

Княгиня Евпраксия бросила на счастье
скорлупку церкви, что ждет молитвы, в меня,
и я поставлю свой голос светлым в ненастье.

Иль как в омуте бетона любовь храня,
лежит островок Николы, что в черной жиле
Грозного дара потушил поток огня.

Знова тянет в леса что б еще послужили
твои слова серебристым мхом под сосной,
тревожной птицей вокруг гнезда закружили.

Да сможет блеснуть, как сталь озера, стих мой,
слинком Александра воспламенится голос,
в сердце да сохраню Досифея покой!

И в глухом поле пою, -- под ветром колос,
твоя тропа от шоссе давно откололась,
но мне уходит Никандр чащей наугад.

Тайные песни в низине души звенят:
слышишь, паломник любви моей? -- Значит, скоро! --
уже вокруг тихо подпевают цветы.

Не прилизанный я мальчик века из хора,
дикие мои космы от солнца чисты,
таков как есть добреду по родному следу.

Гросскачу по главной улице -- чуду брат --
и от ваших машин -- Микула свят! --
на цветущей палке моих стихов уеду!

ПРАВО ПО КАРТЕ

уроку географии СССР посвящается

Тянется, тянется карта...
Лезит ли морозный ветер
железнодорожных лагерей бесслезных
замызанной жизнью тех,
кто нечеловеческим матом
в вечную память вмерзли
остатками подвальных тел?

где выживет ражий и рыжий

с каплями между век.
На теле огромном вижу
татуировку рек.

ж ж ж

Все та же кормушка, все та же аллея,
родные домишки, -- кому рассказать!
Но вечеру тихо плывет бакалея,
и тени пришельцев по клумбе скользят.

Ко мне -- за сарай и немного пройдете
тропой Metallистов над сточной рекой,
и лысый в цветном голубином помете
все так же за ветками машет рукой.

Опять не попасть на арену Икару!
Я, видимо, крайний, -- на то и гожусь!
И брошусь под первый попавший "Икарус",
в трех проклятых улицах я заблужусь!

Эпоха бесстыдно латает заставки,
в кровавне жмурки играет плакат.
И выйду по нежно-сиреневой справке,
и -- надпись по золоту -- не виноват!

ПРАЗДНИК ДЕТЕЙ

Это был день чудесных затей
в муравейнике детском; ты играла цыганку, --
это был маскарад; ты водила индейцев-детей
по муравьиной хвое сосновых полянок.

И в старинный бор был ряжен линейный лесок, --

это шло вам. Меж сосен мелькала Земфира.
Из-за облачных гор
дуло ветром родного и страшного мира.

Разложи мне "косынку", -- сойдется как раз,
потому что давно нас с тобой подмешали,
и вот -- лишь свершается. Потому, что лето
осталось в косынке твоей фиолетовой.

Только дети играют всерьез, потому
что еще не соскоблена патина рая,
и пока: лес не рублен, чудесно смотреть
муравьев по сосне путь к небесному краю.

СОНЕТ

На землю, где бушующий поток
Пылающей листвы так быстро тает,
Тоска моя -- невиданный листок --
С неведомого дерева слетает.

А ночь чиста, как памяти исток,
А Сириус -- как соловей рыдает,
Но острой сталью заблестит восток
И без меня. Все кончено. Светает.

И день пошел, далекий и пустой,
И режет ветер правдою простой
И эхо-сна и тайну совпаденья.

И на душе тревожно и темно,
И если есть иные измеренья,
То мы с тобой уж встретились давно.

СОНЕТ

Темнеет матовым пятном закат.
Не жду сегодня ни луны, ни друга.
Лишь в черном ветре черной липы дуга,
А выше тучи пеленой висят.

И там, в провале, две звезды горят,
Как две свечи неведомого круга;
Они почти касаются друг-друга.
Но между ними бездна, говорят.

Так мы горим, далекая, не нами
Прочерчен путь, намечены огни.
Свети спокойно. Дождик. Тьма. Усни.

Я знаю, что случайными лучами
На миг пересекаются они
Таковыми же печальными ночами.

СОНЕТ

На польском кладбище, венчая прах,
В шиповниках и липе мягколистой
Стоит на горке ангел золотистый
С потрескавшейся краской на крылах.

Печет, и небосвод, как будто чистый,
Но сквозь находчивый и зоркий страх
В раздвоенных неверящих умах
Он не взлетит, смиренный и лучистый.

Колючий куст посланцу неба в рост,
И памятник, как наши деды, прост:

Он занял место без боязни, точно.

И вот уже в душе заговорил
Спокойный голос, -- тихо, непорочно, --
Одной из зарастающих могил.

СОНЕТ ИЗ МИЦКЕВИЧА

ИЗ КРЫМСКИХ СОНЕТОВ

ЗАТИШЬЕ НА МОРЕ

На высоте Тарханкут

Уж ленты на корме зефир едва ласкает,
И светлая вода невестой молодой,
Что видит сон любви, ленивою волной
Проснется, и вздохнет, и снова засыпает.

Победных парусов знамена устают,
И мачтам трепет их почти уже рассказан;
Корабль колеблется, как бы ко дну привязан,
Сидят матросы, смех чуть слышен из кают.

О море! Некий спрут страшней твоих плесканий
В тебе спокойно спит, свернувшийся клубком,
Но стихнет ураган, и кольца разовьются.

О разум! В глубине полип воспоминаний
Переживает страсть, с бедою незнаком,
Но снизойдет покой, и щупальца вопьются.

СОНЕТ СОНЕТУ

Джакомо, Данте и -- начало пира:
Петрарка! -- Триста лет не встать с колен! --
Ронсар, Камюэнс, Лопе, и нетлен
Гонгоры стиль, и светел дух Шекспира!

Эредиа! -- Зеркал старинных плен.
А там свободы боль, Бодлера лира,
Стефан -- фиал сапфирного эфира,
Сатира переплакавший Верлен!

Пока Тавриду прививал Мицкевич,
Наш Пушкин три -- как могущий царевич --
цветка легко сорвал с альпийских круч.

И мне Иванов -- жрец гиперборейский,
Волошин, Бунин, Лебедь Царскосельский
Сонетный к сердцу подобрали ключ!

НЕ ЗДЕСЬ

Нет не здесь
горы я полюбил за тот сказочный берег
кипарисы покажут дорогу
в самой глубине
вавилонских цветистых кварталов
ты найдешь мой маленький домик

Нет не здесь на земле
достаточно аромата
достаточно полумысли зерна
уже можно оправдываться
в вечерах ищите отблеск

что натворил я

Это может открыться слишком ясно
тонкий рисунок сна
сменился забылся рассыпался
иссушена
растерта меж ладоней
дорога среди рыжих полей

Нет не здесь
нам только дано
осторожно носить в груди
хрустальный шарик
когда соловей вспоминает
нет не здесь
иначе захлебнется черной кровью
слишком хрупкое горло

Вечерний туман
осторожно идет по следам
прощальный чуткий кузнечик
тонет в малиновой сплошной полосе заката
под сердцем

ПЕРЕГОН

Уже пошли какие-то районы,
где смерть ночует в блоковых бараках
египетских кубических заводов,
и под угольник строятся дома,
и окна загораются в затылок:
арифметическое небо окон!
Что, город, борется в тебе, таится,
какой мутант из недр твоих грядет?

А утром выплыла другая местность,
богатая травой, ольхой, оврагом,
где босоногой пылью бездорожья

покрыта вереница деревень,
трава, ольха, овраг, трава, поселок
за одичалой монастырской рощей,
и плиты бархатным покрыты мхом.

Надеемся, забытое Поочье,
На чье-то удивительное детство
по ежевичной выжженной тропинке
к пруду, где спят янтарные язи.

А за Рязанью станции редеют,
редеют и леса, и на разъездах
уже зовет глубокая польнь.
Уже чумазей дети на перронах,
уже летят мордовские названья,
цыгане все пьяней, аляповатей,
и судьбы вязче, вязче и темней.

Поволжье. Кровь отца. Далеких барок
спокойный ход...

Огромная Самара,
голодная и дымная лежит.
Где белая игрушечная пристань?
Бессмысленное новое названиее.
Неслыханная новая судьба.

Татарщина! -- Бескрайны дальше стены, --
распахнутый горячий материк
сурков у насыпи оцепеновших,
коней хмелеющих, как в центре круга,
шершавого безжалостного ветра,
озер соленых и далеких гор.

А там, где край, размытый край России,

пространство начинает рассыпаться
в сухую сердцевину континента,
и дыни начинают созревать.

Еще здесь можно, все же, потеряться,
родиться можно, а потом забыться,
или пойти до синих-синих гор.

Ф Е Р Г А Н С К А Я Д О Л И Н А

Земля, где хан-Гэсэр когда-то проскакал,
даруя глаз разрез; страна -- горячий лал,
сатрапия Луны, вселенной посредине,
долина-аксакал, руина на руине,
алиф согнулся в круг, потрескался михраб,
горчит, летит шоссе, обманывая новью...
Я думал: отчего михраб сравнили с бровью
любимой, -- лишь успел по компасу араб
его расположить? -- И я взглянул под арку,
и мне в узоре Глаз открылся, многоок.
Не раз я припаду к бесплотному подарку,
не раз еще уйду на замерший Восток!
Запомнил я всего один сосуд граненый,
высоких тополей зеленые знамена,
навьючены ослы, налился виноград.
Что будет через день? Что было день назад?
При чем тут Тамерлан? При чем тут македонцы?
Созрели во дворе сухие кирпичи,
лепешки горячи, и -- только поперчи,
и Заратуштра рад безжалостному солнцу!
А глина так легка от голубого зноя,
а улица узка и щелию сквозною
уводит в свой кроссворд, как в караван-сарай.
Там молодой старик с глазами Авиценны,
там, словно плач зурны, смеются вязью стены.
И я там был, и я пивал там чай!

Шираз во времена Хафиза и Хаджу
был столицей бессильного Фарса,
стоящего на коленях перед степными.

Урожай винограда по сравнению
с Ахеменидами подскочили
под давлением объективных обстоятельств.

Бедные жители Фарса платили
золотом, халвой и честью
за безопасность своих убийц.

Неудержимо меняла конфигурацию
береговая линия Персидского залива.
Заросли коноплей стадионы чоугана.

Багрово-коричневый хребет Персии --
и дальше -- зеленеющее Месопотамское пятно --
перерезали желтые стрелы ханских набегов.

Мощными волнами восстаний
знобило золотой труп Халифата;
этнический состав менялся, хотя и медленно.

Монголы, как всегда на конях,
перепрыгивали через Потоп прямо в феодализм, --
тот же осознавал себя не лучше неандертальца.

В божественном Балхе правили мародеры,
беженцы из Хорасана умирали от жажды,
страна, собственно, была в оккупации.

Все это трудно найти отраженным
в творчестве Хафиза и Хаджу --
двух великих поэтов обычной эпохи.

МУХАММАС НА ГАЗИШЬ М. КУЗМИНА

На Камчатке проросли чинары: что мне до них!
Ломятся газетные амбары: что мне до них!
Льются песен новые гектары: что мне до них!
От тоски хожу я на базары: что мне до них!
Не развеют скуки мне гуслиры: что мне до них!

То ли галстук обнимает горло, то ли аркан.
То ль участок поманил под солнцем, то ли капкан.
Я поправлюсь, я спою иначе, -- где мой стакан? --
Кисея, как облак зорь вечерних, шитый баркан...
Как без глаз, смотрю я на товары: что мне до них!

Я могу сказать и горько, что в полнеба -- слеза,
Что меня высматривает снизу злая гюрза.
Я могу сказать и сладко, словно некий мирза:
Голубая кость людей влюбленных, ты, бирюза,
От тебя в сердцах горят пожары: что мне до них!

И за кем в такие дебри это племя зашло?
/Скажешь слово, и иглой как будто в темя вошло!/
Долго в землю сыпалось железо: семя взошло,
И клинок дамаасский уж не манит: время прошло,
Что звенели радостью удары: что мне до них!

Ах, Тамары, Светы и Маринки! Был бы кошель!
/Все, мол, эти вечные картинки, -- был бы кошель!/
Мне с ресниц сдували бы соринки, был бы кошель!
Сотню гурий купишь ты на рынке, был бы кошель,
Ах, Зулейки, Фатымы и Гюльнары: что мне до них!

Сквозь асфальт словесный прорастет моя колея,
Коль красивая такая мне попала шлея!
Я живу, в граненые сосуды сердце лия, --
Не зови меня, купец знакомый, -- щеголь ли я?
Хороши шальвары из Бухары: что мне до них!

ГАЗЕЛЬ

А дорожка-то поката! До чего мы так докатимся?
Как шары мы брат от брата... До чего мы так докатимся?!

Нам не встретиться глазами, -- сто столетий между нами, --
только небо виновато!.. До чего мы так докатимся!

Легкокрылого поэта может быть, уже за это
принимают за солдата!.. До чего мы так докатимся!

Камень по крутому склону -- прямо в небо -- неуклонно --
катим так же, как когда-то! До чего мы так докатимся?

Мы с газелью в шубе рваной с репутацией туманной
в недрах старого плаката, -- до чего мы так докатимся?!

ДРОЖАЩИЯ ГАЗЕЛЬ

В ночи дрожащие огни костры свечами зажигали,
и ветры черные леса вдали наощупь различали.

И по одной звезде с небес, не попадая наотвес,
но узнавая лики, блики черные цветы срывали.

И взгляды жаркие, как снег, и колят из-под черных век,
и в этих вспышках тени нас иголки счастья собирали.

Горит зарницами точь-в-точь и баснословная та ночь,
когда движенья наших душ во мраке ветви отрезали.

Скорее разожми ладонь! Жука летящего не тронь!
Твои загаданные сны во тьме деревья узнавали.

И звезды в пепел упадут, и огонек в лесу задут,
и наши руки угольки в холодный воздух поднимали.

КИТАЙСКАЯ ГАЗЕЛЬ

Сколько лет я в мечтах видел свет за туманной печалью,
но в полночную пору застигнут нежданной печалью.

Кто-то тихо поет за стеной, или кажется это.
На столе распустились тюльпаны багряной печалью.

Закружились листы, протянулись бесплотные ветви.
Каждый томик на полке обвит, как лианой, печалью.

В черных лужах плывет молодой опрокинутый месяц.
Будто прошлая, тает весна с неустанной печалью.

Светлячки электрических искр все мерцают и выются, --
неживые, вокруг фонаря, но со странной печалью.

Эта ночь -- как душа, эта ночь прямо в душу мне смотрит,
и прозрачен насквозь этот мрак осиянный печалью.

ГАЗЕЛЬ ИЗ КАМОЛА

Ласкового взора подарить ни разу ты не смогла
и рассказ безумца среди других рассказов не поняла!

Жемчужина которой никто не находил никогда,
не было ни разу, чтоб сияньем нищего ты нашла!

Рассыплется весь мир-мираж, -- в глазах стоишь ты одна!
Все давно забыто-темно, память лишь о тебе светла!

И хоть я кроме горя не видел ничего от тебя,
радостно мне оттого, что радость ты себе забрала!

И пусть душа покинет, я в сердце сохраню навсегда
сладость поцелуя, что ты обещала и не дала!

ГАЗЕЛЬ ИЗ ХАФИЗА

Ленестки розы гиацинтами заслони!
То есть, лицо отверни! То есть, весь мир смахни!

Росинки пота рассыпь с лица и весь цветник,
как чаши наших глаз, живой водой опьяни!

Хоть как-нибудь сонные нарциссы глаз открой!
Ревнивые вокруг нарциссов глаза сомкни!

Если не можешь не убивать влюбленных, что ж:
вино раздели с другими, а нас упрекни!

Над чашей вина -- шиплящая пена, -- взгляни!
Законы этой слепой жизни с пеной сравни!

Раз начали осыпаться дни розы, мы пьем
по кругу розовое вино, -- к нам заверни!

Запах фиалок вдохни! Кудри милой возьми!
На алый тюльпан взгляни! Итить поскорей начни!

Молитвою о встрече умоляет Хафиз!
Молитву брошенных душ, Боже, не оттолкни!

ГАЗЕЛЬ ИЗ ГАЛИБА

Время пришло и крылья расправляют волны вина!
Как жаждут взлететь, как силу набирают волны вина!

Лишь ароматом весны опьянены жители сада, --
в винограде колышатся, нарастают волны вина!

Как счастливы утопившие в вине свои печали!..
Над ними крыльями Хумы проплывают волны вина!

Время дождей в своем приходе в жару -- благословенно!
В русло жизни дожди, душа, возвращают волны вина!

Не считая ветра, три волны волнение возбуждают:
волны зорь, волны цветов, что зацветают, волны вина!

Прекрасный расцвет весны тайну жизни приоткрывает,
каплю в солнечный океан увлекают волны вина!

Радуйся, Асад! Гони трезвые мысли! Весна с нами!
Пусть бушуют, пусть крылья расправляют волны вина!

ГАЗЕЛЬ ИЗ ГАЛИБА

Как можно по взгляду твоему томиться, -- взгляни! --
Я -- как слеза, повисшая на реснице, -- взгляни!

Ты так сторонилась моей беспокойной любви...
Ну, вот: покоюсь теперь в этой гробнице: взгляни!

Я научился думать, что ты не видишь меня...
Чего стоило этому научиться! -- взгляни!

Взошли семена кустами для гнезд; где же Хума?
Мои силки, мои семена для птицы: взгляни!

Светлая, ты не смотрела тоске прямо в глаза!
В моих глазах тоска по свету тает, -- взгляни!

ФАНТАЗИИ ЗМЕЙКИ

/индийская рага/

Змейка жизни вьется на закате,
над бездонной синью вьется, холодея,
золотая, на закате, замирая,
над холодной синей бездной змейка жизни.

Так скользнет под плоское сознание,
заиграет по растеньям глянцевицам,
перевитым по зазубринам развалин,
золотой тоски пронзительная змейка.

Так в спокойном изумруде предвечернем,
так, стустившийся пронизывая воздух,
над чернеющей бездной на закате
вьется, вьется золотая змейка жизни.

КУПЕЦ ДАВИД

/восточная фантазия/

Нет серебра Давида тяжелее,
Давида мраморный дворец -- невидан!
И, трепетные, ждут его лилеи, --
три белые жены в саду Давида.

-- Давид, вставай! Ты сам себе не нужен!
Продай, продай натруженные глыбы!
Тебя узнал глубинной, тайной рыбы
глубокий глаз -- жемчужина жемчужин!

... Бредет базаром полоумный странник,
сожжен слезами, зноем ли палящим;
ему, смеясь, бросают черствый пряник,
а кисть костлявая -- еще изящна.

Бормочет, стонет: "... Мало... Не хватило...",
и вдруг застынет, будто чем разбужен...
В далеком море, под глубоким илом
лежит на дне жемчужина жемчужин.

.....
 Бедный Маштоц,
 каменный библиотекарь Матенадарана,
 давно забыл черты своего лица.
 Ему кажется,
 что эти жесткие зазубренные значки букв
 были всегда,
 что имя ему дали задолго до рождения,
 да и сам он, наверное, не знал начала;
 солнце вовсе не изменилось,
 а ленивое умудренное азиатское время
 слизывает углы веков,
 но иногда позволяет заглянуть
 в свое бездонное черное око...

Когда Ной начинал свою робинзонаду,
 на дне моря
 люди жили по-прежнему:
 обрюзгшие города
 возвращались к расцвету
 и мельчали,
 бессчетные кирпичи ту́да
 сыпались из кладки
 в руки строителей,
 опускались на землю
 и плавилась,
 чтобы снова влиться
 в раскаленное жерло
 молодого Масиса.

Что вынес гребень волны?
 Случайно ли выпадение двух шестерок
 на этих черно-белых нардах
 бесчисленных дней и ночей?
 А может быть, повезло -- другим?

Может быть,
 виноградины есть слезы --
 безнадежные,
 давно бесплотные
 и -- все-таки -- сбывшиеся?..
 Может быть, хорошо,
 что трава растет на полу дворца,
 дни улетают, как километровые столбы,
 дети не знают имен прадедов,
 и на седьх камнях вдоль дороги
 почти не видны
 следы искусных ногтей Турка?..

ТАМ

Небо в недалеких звездах,
 слепомудрое зерно,
 розовый от ласки воздух
 и воздушное вино.

И в соленой, чистой пене,
 и не помня обо мне,
 ты осталась по колени
 в набегающей волне.

Ты не мучаешь грехами,
 ты железом не коришь,
 ты певучими стихами
 о погоде говоришь.

Голову ломать не надо,--
 не узнаешь ничего;
 яблоки несет из сада
 нам Геракл,-- для чего?

Там в пустыне раскаленной
 не страдают от идей,
 и -- обидой распаленный --
 зла не держит иудей.

Ярче -- радость, слаще -- горе,
время вспять идет пешком,
лодка солнечное море
рассекает гребешком.

Между Скиллой и Харибдой
по лазурному руну,
между правдой и кривдой
в затонувшую страну.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

I

Душа моя жаждет сгореть, как сирень на ветру,
но ветру боится поддаться, пока не умру.
Я рад, я люблю человечью свою конуру,
но ветер терзает и гнет молодую кору.

Вот лютик пробился из памяти, как из земли, --
как будто, надеется путник на встречу вдали.
Когда б не надежда, такими бы мы не пришли,
когда б не поддержка, не знаю, узнали бы ли.

И эта дорога полей-букварей посреди,
казалось, кончается, но поворот впереди;
ударит мороз, заиграет пурга, -- подожди!..
Не видели мы ничего, ничего на пути!

Но так как цветы разбросали вокруг семена,
я смею просить, чтобы мы пробудились от сна;
я кочетом буду просить золотого зерна
рассвета, -- ведь ночь и взаправду темна и страшна.

2

С глухих пустырей, где в пыли вызревает репей,

из тех запустелых осенних скитальческих дней,
где церкви вокруг -- разворот голубых голубей
и город, приснившийся жизни летучей моей.

Там ждет переулочек, там куст облетающий ждет.
Я жадно смотрю, как еще одно лето цветет.
Теперь мы -- немного -- сирень, и тебе подойдет
лиловое платье. Прохладное платье метет.

Иль дома за книгой уйдешь по засохшей строке
к широкой и плавной далекой восточной реке,
но вспомнишь себя на февральском сыром сквозняке,
и ручка летит в задохнувшейся правой руке.

3

У каждого странника свой, непохожий рассказ,
но можно ль не внять стольким бедам, упавшим на нас?!
Нас поодиночке разбойник в пути перетряс,
и нас не скрепляло, как своды -- воздушный каркас.

Когда-то отмершее, общее сердце меня
коснулось лучами заката, навек осеня...
Какие-то люди молчали всю ночь без огня...
Уже я почувствовал времени вал на меня.

Но разум, победно распластан в межзвездной пыли,
диктует настойчиво те же законы земли:
держитесь за всех, чтоб куда-нибудь не забрели
и тех огоньков опасайтесь в туманной дали!..

Жил бедный подсолнух /Я должен, покойный мой друг!/,
но с детства за грязной стеной был целительный Юг,
и, как ни тянулся он шей, как ни был упруг,
за крышами прятался солнечный суточный круг.

На серых ветвях над одной из постылых дорог
вот-вот и распухнет белого смеха цветков,
но сдавит земля, и опять ты один и далек.
Дорога в лесу. Злая ночь. Впереди -- огонек.

Не я ли -- далеких эпох молодой человек?
 Не я ли -- один из покрытых потопом калек?
 Не я ли -- свидетель молоденьких северных рек?
 Не я ли -- с обрубленной ветки -- весенний побег?

Мне кто-то подсказывал тему, мне кто-то на миг
 дарил ускользающий, незабываемый лик,
 и было дано: предо мною лежал материк,
 и я не искал муравьиной тропы напрямик.

На первой картине до сумрачных каменных гор
 ручьи рассекают огромной долины простор;
 мой конь тонконог, и слезится мой алчущий взор,
 и втянуто тело в неравный, безжалостный спор.

Вторая-покрыта снегами до белых колен;
 за белой оградой -- покойный, торжественный плен,
 там иссиня-белый последний торжественный плен,
 и дремлет как будто неслыханный зов перемен.

Бывает, в тебе осыпает ноябрьский куст
 сухие листья, и от стужи -- серебряный хруст;
 ты в дом заглянул -- оказался заброшен и пуст,
 и спрятаться хочет застывший серебряный куст.

Мне изредка снится неведомый странный квартал,
 где я до того, -- уж не знаю, когда, -- побывал:
 цепь серых домов семенит в непролазную даль,
 где серых сомнений тяжелый и серый алтарь.

Не я ли один, как в пустыне у траурных вод?
 Не я ли был свыше зачислен в несчастный народ?
 Родное и чуждое время рекою плывет,
 и с берега кто-то прощальную песню поет.

На архипелаге Слепых верят в солнечный свет.

На архипелаге Слепых света нет, света нет,
забылся младенец, полуденным солнцем согрет,
и снится ему семицветный волшебный букет.

И вот, как слепой, натываясь на иглы шипов,
и я откликаюсь на призрачный, сказочный зов;
в далекой шеренге, -- ищите меня среди слов, --
в фланге кочующих к вечному солнцу цветов.

День силился вырваться в полузабытом саду,
багровый порыв отразился в старинном пруду,
и вечер увидел в себе голубую звезду,
и мне по-другому увиделось, где я иду.

Казалось, вот-вот, и с поваленных мраморных плит
хоть ангел, хоть голубь, хоть птица какая взлетит,
казалось, весь мир задрожал под кантату копыт,
но тихо дорога с мечтой перерезанной спит.

Казалось, вот-вот, и откроет сиреневый куст
всю власть притяженья лиловых распахнутых уст,
казался с восточного неба торжественный хруст,
но надо идти и во сне, хоть он сладок и густ.

Почти как слепой, натываясь на иглы шипов,
на призрачный, сказочный, на серебриющийся зов...
В далекой шеренге, -- ищите меня среди слов, --
в фаланге кочующих к вечному солнцу цветов.

Луна осторожно ступает по лужам за мной,
созвездья дрожат, как всегда, над моей головой,
покрыты руины и сад черногривой волной,
и легкой накидкой делеет загадку покой.

6

А сердце щемит, как звенит колокольчик с небес, --
то знак, что в тебе мир над пропастью страшной воскре-
и вот серебрится так ясно и звонко с небес, --
и сердце щемит, как звенит колокольчик с небес.

Скажи, что осыплются скоро сомнений цветы,
скажи, что протянут с небес золотые мосты,
что в черной реке не потонут с дарами плоты,
что там, за словами, вовек не истлеют листья.

Да, я ходил на наивный осенний цветок,
да, сладко-печальную песню я выудить мог
из лужи лужой на раскатах осенних дорог,
с родимых обочин, где пахнет бензином песок.

Скажи, что осыпались в черную воду цветы,
скажи, что упали с небес золотые мосты,
что мы остаемся, что мы от сомнений чисты,
что наши надежды и души остались просты.

Скажи, что с осеннего неба летят лепестки,
скажи, что уже я не помню ни зла, ни тоски,
скажи, что цветы осыпают свои лепестки,
и были на свете их дни и светлы и легки.

---

* * *

Сентябрьский одиноко-вспыхнувший клен
в моей душе
отразился воплем
что это я
осыпаюсь
совсем один
так прекрасно
зачем
срывающийся мой немой голос
корнем уходит в жизнь
каждая трепещущая ветвь
жизни моей горит
